Митрополит Иларион: Творчество Достоевского – глубоко христианское по своей сути

17 января 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал поэт Юрий Кублановский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу "Церковь и мир". Сегодня мы поговорим о Достоевском, и у меня в гостях поэт Юрий Михайлович Кублановский. Здравствуйте, Юрий Михайлович!

Ю. Кублановский: Здравствуйте!

Конечно, о самом Достоевском и его творчестве можно говорить бесконечно, это безмерная тема. Думаю, вся его проблематика, все его образы в крови у каждого русского человека. Я начал читать Достоевского где-то лет в 15, «Дневник писателя» прочитал в 25 – еще старое дореволюционное издание, в Советском Союзе не найти было другого, и, собственно, каждый год перечитываю какой-нибудь роман Достоевского.

И для всего внешнего мира, и для нас в России Достоевский – олицетворение русского мира, русских тем, русских проблем. Один из, может быть, самых оптимистичных, да и, пожалуй, загадочных афоризмов Федора Михайловича – «красота спасет мир». Поэт Николай Клюев прекрасно сказал: «Не железом, а красотой спасется русская радость». Безусловно, он тоже отталкивался от этих слов Федора Михайловича. Как вы их понимаете? Откуда такой оптимизм? Или это просто фраза? Или упование?

Митрополит Иларион: У нас с Вами похожий опыт прочтения произведений Достоевского. Я тоже, будучи подростком, перечитал все его романы. Практически весь «Дневник писателя» я прочитал в двадцатилетнем возрасте. И тоже стараюсь раз в год перечитывать хотя бы один из его романов. Действительно, Достоевский, может быть, как никто другой из писателей, отражает русскую душу. Есть книга Мережковского «Толстой и Достоевский», Вы, конечно, о ней знаете…

Ю. Кублановский: Это первое яркое слово о Достоевском.

Митрополит Иларион: Да. Мережковский сравнивает двух наших великих писателей, и во всех случаях сравнение оказывается в пользу Достоевского, именно как выразителя русского духа, русской души. И те слова, которые Вы сегодня процитировали – «красота спасет мир», –

действительно, являются афоризмом, известным всему миру, и в какой-то степени – сердцевиной всего творчества Достоевского, в том числе его христианского миросозерцания, потому что, по учению святых Отцов, Красота – это одно из имен Бога.

Дионисий Ареопагит, автор трактата «О Божественных именах», который датируется приблизительно V веком, приводит различные имена Божии, в том числе говорит, что Бог есть Красота. Бог как Источник всякой красоты, как Источник всякого блага является по Своей сущности Красотой. Вот эту Божественную красоту, которая отражается в природе, отражается в человеческой душе и теле, в окружающем нас космосе, мы видим и чувствуем. И Достоевский ее, конечно, чувствовал очень тонко и глубоко.

Ю. Кублановский: Да. И уповал, конечно, на то, что она восторжествует в мире. Еще в Достоевском удивительно то, что он проделал путь, который проходили после него многие уже спустя 80 или 100 лет, - от социализма к вере. В XIX веке этот путь, допустим, прошел Лев Тихомиров. Да и многие. Ну а в XX веке – русские философы, которые потом, в основном, были высланы большевиками на Запад. И даже в своем пути Достоевский оказался пророком.

Другой замечательный русский мыслитель Константин Леонтьев, чье творчество только актуализируется с годами, считал христианство Достоевского идеалистичным, что он не преодолел социалистических иллюзий даже в своей вере. Даже говорят, что оптинские старцы не признали старца Зосиму за своего. Вы согласны с этим? В чем тут вообще конфликт?

Митрополит Иларион: Думаю, Достоевский очень по-своему пережил христианство. Мы знаем, что он был воспитан в православной вере, с детства хорошо знал Евангелие. Потом, действительно, увлекся социалистическими идеями, стал членом кружка петрашевцев, за что был приговорен к смерти. В его личной истории это поразительная страница, когда его уже вывели на эшафот, был зачитан смертный приговор, и он уже попрощался с жизнью, как вдруг государем ему была дарована фактически вторая жизнь. С этого момента через каторгу, через неимоверные страдания он пришел к совершенно иному мировосприятию, которое было глубоко христианским.

Я не согласен, что христианство Достоевского идеализированное. Его христианство очень реалистичное. Образ старца Зосимы, конечно, собирательный образ. Достоевский описал старца так, какими он видел оптинских старцев. Говорят, один из прототипов старца Зосимы был и Тихон Задонский. Это собирательный образ. Причем интересно, что Достоевский не ограничился только внешним описанием старца. В свой роман «Братья Карамазовы» он включил и писания старца Зосимы, которые в значительной степени основываются на творениях святых Отцов, в том числе на творениях Исаака Сирина, которые в то время как раз были опубликованы на русском языке. Федор Михайлович был знаком с творениями этого автора.

Достоевский по-своему очень глубоко пережил христианство. Все его творчество – глубоко христианское по своей сути. Хотя, конечно, он показывает в человеке полярные начала, и глубокая вера у этого писателя всегда граничит с атеизмом. Даже образ Алеши Карамазова и других братьев Карамазовых – каждый из них отражает какие-то сегменты спектра от глубочайшей веры до воинствующего атеизма, который был отражен в российском обществе того времени, и, в конце концов, привел нашу страну к революции, что действительно предсказал Достоевский как настоящий пророк.

Ю. Кублановский: Вот это, действительно, поразительно. Такие сцены как чтение Евангелия Сонечкой Раскольникову или бдение Мышкина с Рогожиным у тела Настасьи Филипповны. Это просто концентрация, как мне представляется, русского религиозного духа.

В произведениях Достоевского всегда есть катарсис. Даже в такой страшной вещи как «Бесы», которая, помните, кончается самоубийством Ставрогина, есть какой-то свет в конце туннеля. В свое время я об этом написал Александру Исаевичу Солженицыну. Он, кстати, со мной не согласился и сказал, что в «Бесах» не видит этого света. Но я его вижу в том, что зло вскрыто и показано. Даже в «кадрили литературы», помните, гениальные главы благотворительного праздника, устроенного в провокационных целях в этом провинциальном городке – там же вся наша история от февраля до октября, от рептильных либералов до большевизма. Тот факт, что зло вскрыто, рождает в душе светлое чувство. Достоевский – писатель с большим катарсисом.

Митрополит Иларион: Ведь неслучайно в советское время роман «Бесы» был фактически запрещен.

Ю. Кублановский: Конечно.

Митрополит Иларион: Потому что наши революционеры и их последователи не могли не увидеть, что Достоевский в своем романе пророчески описал именно их, назвав словом «бесы», словом, известным каждому русскому человеку, вне зависимости, религиозен он или нет. Тот бесовский разгул начался уже тогда, и отчасти Достоевский был его участником, в те годы, когда увлекался социалистическими идеями. Он описал его очень мастерски, точно, пророчески. Он действительно предвидел русскую революцию.

Толстой своим творчеством и особенно своей деятельностью в поздние годы в качестве учителя нравственности по сути дела способствовал революции, ибо он расшатывал то, на чем стояло наше общество – православную веру. А Достоевский наоборот с годами становился все более укоренённым в вере при всех тех, по-видимому, внутренних сомнениях и переживаниях, которые у

него оставались. Эти полярные начала присутствовали и в его душе. Иначе он не создавал бы эти образы один за другим.

Ю. Кублановский: Да. Переживания присутствовали, и в очень высоких регистрах. Недавно была телевизионная экранизация «Бесов». Я не знаю, видели ли Вы?

Митрополит Иларион: Видел.

Ю. Кублановский: Что-то в этой экранизации удалось, а что-то - нет. Я терпеть не могу, когда режиссер привносит отсебятину. Но здесь конец оказался просто гениален: в снегах в этом кантоне Ури Дарья гуляет с ребенком, которого она нажила от Ставрогина, и вдруг по снежной целине идет к ней Петенька Верховенский. И она понимает, что и ее дитя, ее мальчик уже в сетях бесов. Как Вы думаете, вот эта бесовщина – это имманентное, постоянное качество бытия или это все-таки было связано с историческим моментом?

Митрополит Иларион: Я думаю, что, к сожалению, это начало всегда присутствует и в истории каждого человека, и в истории целых народов. Неслучайно Достоевский говорит о том, что Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца человеческие. Все это присутствует в сердце каждого человека, и борьба между Богом и дьяволом приобретает разные формы в истории каждого народа. Иногда, как нам кажется, Божественное начало превалирует над бесовским, а иногда вдруг Господь попускает так, что бесовское, дьявольское начало начинает превалировать над божественным и даже над человеческим. Ведь те события, которые были связаны с революцией, с репрессиями, за ней последовавшими, нельзя трактовать иначе как в том ключе, в котором их пророчески трактовал Достоевский.

Надо сказать, что вообще теме дьявола в творчестве Достоевского отведена существенная роль. Вспомните «Легенду о великом инквизиторе», который в этой истории является адвокатом дьявола в самом прямом смысле этого слова. Причем Иисус Христос, перед ним стоящий, молчит, ничего не говорит, а все то, что хотел сказать Достоевский, вложено в уста великого инквизитора. Великий инквизитор рассуждает об одном евангельском эпизоде, который, насколько я знаю, в святоотеческой традиции серьезного и глубокого толкования не получил. Мне кажется, что Достоевский был первым, кто очень серьезно и глубоко подошел к этой истории трех искушений Христа. Эти три искушения он рассмотрел в ключе человеческой истории, социальной проблематики, показав, что, по сути, революционеры – те, которые уже в его времена готовили революцию, как раз вели человечество по тому пути, который предлагал дьявол в своих искушениях. Потом это блестяще было проанализировано у Бердяева в его книге «Миросозерцание Достоевского».

Ю. Кублановский: У Розанова еще есть прекрасная книга о великом инквизиторе, на которую во многом опирался Бердяев. Для меня остается тайной, и, наверное, это было тайной и для Федора Михайловича, почему в русском мире, в такой цветущей, в очень своеобычной Российской империи вдруг возникло и стало углубляться это бесовское революционное подполье? Слава Богу, не дожил Федор Михайлович до того момента, когда убили государя, но в центре Петербурга революционеры охотились за государем буквально как за зверем. Как же в нашей русской жизни возникла подобная бесовщина и приобрела такие террористические формы?

Митрополит Иларион: Мне кажется, что, во-первых, мы не должны сбрасывать со счетов влияние Запада. Ведь идеи французской революции на русскую почву были занесены очень рано. Они распространялись в среде аристократии, интеллигенции. Постепенно они завоевывали сердца тех людей, в чьих руках, во многом, находилось будущее страны.

Но, с другой стороны, мы, конечно, не можем все сбрасывать на влияние Запада. Мы должны посмотреть и на то, что тогда происходило внутри нашего собственного народа. Прежде всего, здесь надо говорить о той глубокой пропасти, возникшей между аристократией с интеллигенцией и простым народом. Простой народ продолжал жить по тем законам, по которым страна жила на протяжении веков, а аристократия и интеллигенция увлекалась либеральными и революционными идеями.

Этот процесс начался с реформ Петра I. Он проходил через весь XVIII век, в том числе через увлечение наших высших кругов вольтерьянством и потом уже, в начале XIX века, масонством. А дальше пошла просто антирелигиозная пропаганда, социалистическая, коммунистическая. В общество стали проникать идеи Маркса и Энгельса. И вот, на рубеже XIX и XX веков все это начало взрываться. Первым взрывом стала первая революция 1905 года, а вторым взрывом, который буквально поставил всю страну на совершенно иной путь развития, была вторая русская революция. Это все то, что предвидел и о чем предупреждал Достоевский. Он фактически кричал об этом, но его голос, как и голос, например, Иоанна Кронштадтского, был гласом вопиющего в пустыне. Интеллигенция и аристократия Достоевского не слушала. К сожалению, этот снежный ком, что катился с возрастающей скоростью, привел к тем событиям, о которых Достоевский говорил.

Я благодарю Вас, Юрий Михайлович, за то, что мы с Вами имели возможность обменяться нашими мнениями и поговорить о замечательном великом русском писателе Федоре Михайловиче Достоевском, и о том, как его творчество сказалось на нашей истории.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50718/